

Меер Е.С., кандидат исторических наук, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева (Россия)

БУРЖУАЗИЯ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ В РАБОТАХ АНГЛИЙСКОГО ИСТОРИКА К. ДЖОНСА

В статье осуществляется анализ одной из попыток возродить капиталистический образ французской буржуазии в современной англоязычной историографии. Рассматривается, как в конце XX–начале XXI вв. английский историк Колин Джонс выступил в своих трудах с подобной инициативой. Автор идентифицирует Колина Джонса как «нового левого» среди современных специалистов по французской революции, отмечает основные пункты его профессиональной карьеры, обозначает его принадлежность к школе оксфордского историка с спорной историографической идентичностью Ричарда Кобба, обращает внимание на важность исследования им французской медицины для обращения к пересмотру представлений о буржуазии. В работе показано, что Колин Джонс, критикуя ревизионистов, предложил сблизить сознание, образ жизни и судьбы профессиональной буржуазии с буржуа-предпринимателями в предреволюционной и революционной Франции. Автор выявляет комплекс аргументов, которые используются историком для обоснования своей позиции. Он демонстрирует, что Колин Джонс пытается доказать, что профессионалы в условиях коммерциализации и революции потребления во Франции XVIII в. могут рассматриваться как капиталисты и потребители, как составная часть буржуазной общественной сферы, а также как носители гражданского профессионализма, продукта рыночного сознания, нашедшего свое практическое выражение в органах гражданской социальности дореволюционной Франции, и что их судьба в революции была успешнее, чем других социальных групп. Автор оценивает эти аргументы английского историка и выясняет, как его положения преломляются в ревизионистском и марксистском дискурсах.

Ключевые слова: французская буржуазия, английская историография французской революции, «новые левые», Колин Джонс, профессионалы, медики, юристы, корпоративный и гражданский профессионализм, буржуазная общественная сфера, дискурс.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-89-94

С тех пор как ревизионисты, начиная с 1950-х гг., начали критиковать буржуазный характер французской революции и капиталистический облик ее лидеров, постоянно против подобных взглядов выступали историки, для которых подобный поворот представлялся недостаточно убедительным. Их защиты были в разной степени оригинальными, но они неизменно продолжают появляться последние десятилетия. Среди тех, кто настойчиво утверждал, что французская буржуазия конца XVIII в. имеет право на образ творца капитализма, и в то же время предлагает новые аргументы, дабы убедить читателя в своей правоте, видное место занимает английский историк Колин Джонс.

В России его вклад в изучение проблемы не привлек еще внимания специалистов. В англоязычной исторической науке такие попытки частично предпринимаются: Колину Джонсу присваивается определенная историографическая идентичность в связи с его критикой ревизионистских взглядов. Он предстает то как «неолиберал», согласно

Г. Кейтсу (впрочем, на наш взгляд, без должной аргументации), то как сторонник «откровенно марксистского», «неортодоксального» подхода, с точки зрения С. Мазы, хотя сам английский историк не выражал приверженности данному течению в социализме в отличие от Дж. Комнинела или Г. Хеллера [11, р. 11–12; 12, р. 106]. Самым удачным из неудачных терминов для обозначения позиции К. Джонса, как нам кажется, является понятие «новые левые», принадлежащее опять-таки С. Мазе [12, р. 228]. При всей своей размытости оно позволяет хотя бы приблизительно обозначить место английского исследователя в спектре историков французской революции – левее ревизионистов. Но это имеет смысл только при том условии, что неомарксисты также будут составной частью термина.

В этой статье мы предпримем попытку, используя дискурсивный анализ, выявить то, что является новым во взгляде К. Джонса на буржуазию предреволюционной и революционной Франции, при этом обращая внимание

на реакции, которые вызвали его предложения среди историков. В качестве источников нами использовались статьи автора 1990-х гг., в которых рассматривалась проблема связи буржуазии и революции, и его книга «Великая нация: Франция со времен Людовика XV до Наполеона» (2003 г.), представляющая собой труд, написанный с учетом тенденций новой политической истории.

Колин Джонс – выпускник Оксфордского университета. В 1971 г. он получил квалификацию бакалавра, а в 1978 г. защитил диссертацию и стал доктором философии. Его профессиональная карьера связана с работой в таких британских высших учебных заведениях как Эксетерский, Уорикский и Лондонский университеты [13].

Особо стоит отметить, что его научным руководителем был Ричард Кобб, чья историографическая идентичность также вызвала вопросы в литературе. Для обоих английских историков характерны ироничные, хлесткие высказывания, своеобразные перлы, с которыми они обрушивались на своих оппонентов. На основе диссертации в 1982 г. была опубликована монография, посвященная уходу за бедными в регионе Монпелье в период времени с 1740 по 1815 г. Уже здесь Колин Джонс обращается к проблеме медицины, впоследствии ключевой проблематике его научных трудов, чье изучение в частности позволило ему осмыслить по-новому французскую буржуазию [1, с. 228, 234, 238, 246–247, 249, 253–269; 3, р. 8; 4, р. 114; 8, р. xiii, 113–130].

В 1990–2000-е гг. английский историк попытался оспорить образ «замерзших фиалок». Именно так он репрезентировал революционную буржуазию, увиденную им в работах ревизиониста А. Коббена. Пробудить к жизни он попытался и экономическую (коммерческую, меркантильную), и профессиональную буржуазию. Здесь стоит отметить, что К. Джонс абсорбирует в свои труды просопографические анализы революционного лидерства на всех уровнях власти, сделанные и ревизионистами, и левыми историками, и признает значимость всех групп буржуазии в революции, особенно профессионалов. Выход, который он предложил для выхода из тупика для концепции буржуазной революции,

заключался в том, чтобы наделить общим сознанием, или «подпольной» коллективной идентичностью, разные буржуазии, перевернув ревизионистскую картинку консервативных и имеющих свои интересы групп. То есть признавая самодостаточность предпринимателей и профессионалов, Джонс пытается найти и у тех, и у других общее видение, что и делает их в конечном итоге творцами и победителями революции [6, р. 71–72, 78, 96, 110, 112–113; 9, р. 14–16, 24; 10].

Его основные усилия сосредоточены на профессионалах, он старается доказать, что они по своему стилю жизни и мышлению могут быть сопоставимы с буржуа-капиталистами. К. Джонс приводит многочисленные свидетельства развития процесса коммерциализации и сферы потребления во Франции старого порядка и вписывает в этот контекст буржуазию всех сортов. Он вводит профессионалов в рамки буржуазной общественной сферы (концепцию которой он заимствует у неомарксиста Юргена Хабермаса). При этом, подобно постревизионистам (политико-культурным ревизионистам), он анализирует дискурс печатных изданий. Речь идет о провинциальных газетах крупных коммерческих городов с новостями и рекламой – афише. Поскольку К. Джонс является специалистом по французской медицине, наибольшее внимание в совокупности в его работах по французской буржуазии получают врачи. Он показывает, как они рекламируют свои курсы, услуги лечения за определенный гонорар, медицинские препараты и приспособления на страницах печати. К. Джонс демонстрирует процветание частной медицины. Юристы, еще одна в последние десятилетия активно изучаемая профессиональная группа [2, с. 36–51], также торгуют своими компетенциями (например, они продавали экспертизу сеньориальных повинностей). Чиновники покупают должности и тоже являются частью рынка, придворные медики и ряд юристов делают то же самое. Профессионалы также являются покупателями и звеньями развивающейся потребительской культуры наряду с бизнесменами. Это активное участие в коммерции и потреблении, с точки зрения английского историка, по факту делает профессионалов субъектами капиталистических отношений и носителями

капиталистического сознания в рамках сектора услуг. В отличие от многих классических интерпретаций, в которых профессионалы выступали как социальная прослойка, по сути работающая на капиталистов третьего сословия, некий посредник, лишенный самостоятельных интересов и вырабатывающий и оформляющий мировоззрение экономической буржуазии, у К. Джонса они приобретают образ лидеров, действующих в унисон с предпринимателями в революционных собраниях, потому что они сами капиталистичны по своему сознанию и поведению [6, р. 96, 99, 103, 109, 113–114; 7, р. 168–171; 9, р. 16, 18–20, 22, 24–26, 32–35; 10].

Несомненно, эти предложения английского историка позволяют нам по-новому посмотреть на интеллектуалов третьего сословия. Они также стимулируют нашу мысль. Возникает вопрос, насколько правомерно сравнивать предпринимателя, использующего наемную рабочую силу, и интеллигента, продающего свои услуги. Мы также можем спросить, насколько охвачена коммерциализацией профессиональная буржуазия, можем ли мы всех ее представителей перекрасить в прогрессивные цвета капитализма?

С другой стороны, К. Джонс наделяет эту группу гражданским профессионализмом, который он выводит из происходящих в экономике и обществе изменений и из рыночного сознания. Это означает, что члены буржуазии (школьные учителя, медики, юристы, бюрократы) используют дискурс служения нации и ответственности перед ней (горизонтальная, эгалитарная модель), который приходит на смену ценностям замкнутой группы, иерархии, опыта, внутренней дисциплины, характеризующим корпоративный профессионализм (вертикальная модель). Свою апробацию новый профессионализм проходит в органах гражданской социальности (масонских ложах, обществах мысли и т.д.), где представлены разные группы буржуазии [6, р. 108, 110–111; 7, р. 165–170, 173; 10].

Но оба типа дискурса могут сочетаться, а не только противостоять, и более того, корпоративный профессионализм может коррелироваться, как показывает сам К. Джонс, с коммерческим капитализмом (продажей должностей). Кроме того, среди профессионалов как представителей нового образа

мысли и жизни он рассматривает военных и духовенство (собственно с них он и начинает). Несомненно, это профессии, но, учитывая, что историк претендует на анализ буржуазии и объединение под общей крышей буржуазных групп, наличие их в перечне субъектов гражданского профессионализма и даже потребителей продуктов растущих коммерческих рынков, делает схему К. Джонса уязвимой, ведь в конечном итоге мы оказываемся снова перед постревизионистской моделью столкновения политических культур, не зависящих от социальной принадлежности ее носителей.

Наконец, К. Джонс пытается показать судьбу разных групп буржуазии в революции. Он считает, что по сравнению с остальной частью общества у них дела были лучше, чем у остальных, их ресурсы определили их выживаемость. Утверждение о триумфе звучит несколько сомнительно на фоне подобных заявлений, тем более историк пишет о противоречивой ситуации экономической буржуазии в ходе революции, о ее обманутых надеждах после выгодного законодательства первых лет, точечных успехах и т.д. Судьба профессионалов открывается отменой продажи должностей с компенсацией за нее и провозглашением принципа карьеры, открытой для талантов, заявленного в Декларации прав человека и гражданина. В ходе революции, как показывает историк, мы видим уничтожение корпоративного профессионализма (закрываются медицинские и юридические факультеты, коллежи, упраздняются категории юристов и медиков, бюрократические службы, например, генеральные откупщики, академии, ученые общества). Но торжество гражданского профессионализма не сопровождается нужной подготовкой, качеством услуг и реальной ответственностью, как в случае с «неофициальными защитниками» и «чиновниками здоровья». Поэтому во второй половине 1790-х – начале 1800-х гг. на выходе из революции появляется некий гибрид двух моделей. Профессионалы выступают в качестве специально подготовленных клиентов государства (они проходят сертификацию, создаются новые высшие школы), а карьеры открыты для талантов [6, р. 115; 7, р. 179–180; 10]. Они активно участвуют в политике, покупают национальные земли, и создается

впечатление, что интеллектуальная буржуазия успешнее экономической. Но успешны ли зигзаги развития профессионализма, о которых пишет английский историк, это большой вопрос.

Вопросы вызывает и то, что признавая широту состава буржуазии XVIII в., К. Джонс временами взывает к этой социальной категории, как к неблагородным горожанам, занимавшимся производством и обменом (купцам, торговцам, владельцам мануфактур), а профессионалов определяет только как поддерживающие элементы, обнаруживая следы более старых классических интерпретаций. С другой стороны, он предлагает более объемное определение, соответствующее предложенной им новой концепции. Буржуазия обладает интеллектуальными и деловыми умениями, которые использует на рынке и в общественной сфере, а также гражданским сознанием [10]. Проблема заключается в том, а вся ли буржуазия соответствовала таким критериям и только ли буржуазия? Впрочем, дворянство английский историк постоянно списывает, как слишком незначительное по размеру на фоне буржуазии.

К. Джонс в отличие от многих традиционных левых историй французской революции приводит количественные данные по французской буржуазии. Ссылаясь на П. Леона, он отмечает ее рост с 700-800 тыс. в начале XVIII в. до 2.3 млн. на момент начала революции, что составляло 10 % населения [6, р. 93]. К сожалению, остается неясным, включает ли английский историк в рамки этих цифр все группы буржуазии или речь идет только о экономической буржуазии (соответственно мы не узнаем, каково соотношение предпринимателей и профессионалов), а также каковы критерии подсчета (включаются ли в список только мужчины или их жены и дети тоже).

Предложения К. Джонса вызвали определенные реакции со стороны специалистов по французской революции. Наиболее четкие рефлексии мы можем увидеть у Сары Мазы, американского историка-ревизиониста, и у Генри Хеллера, канадского неомарксистского исследователя. С. Маза не соглашается с К. Джонсом по ряду пунктов. Она не видит в дискурсе, приведенном последним, идентификации буржуазии как класса (социальной

группы нет для себя и для других). Гражданское сознание же, с ее точки зрения, не является классовым, напротив, оно является универсальным языком [12, р.52]. Г. Хеллер же в отличие от С. Мазы охотно абсорбирует аргументы К. Джонса в свою новую концепцию французской буржуазной революции. Ему импонирует идея сблизить менталитет разных буржуазий в революционных собраниях, что решает проблему недостатка предпринимателей в Генеральных Штатах. Но его дальнейшая апелляция к «органическим интеллектуалам» Антонио Грамши выглядит как попытка ограничить роль профессионалов функцией рупора экономической буржуазии, что сводит на нет инновации, предлагаемые К. Джонсом [5, р.72].

Подводя итоги статьи, отметим следующее. В 1990-е–2000-е гг. «новый левый», английский историк Колин Джонс, ученик Р. Кобба и специалист по французской медицине, попытался осуществить пересмотр ревизионистского образа предреволюционной и революционной буржуазии. При этом он охотно использовал результаты ревизионистских трудов. Возродить капиталистичность французской буржуазии он попробовал на основе сближения облика профессионалов и предпринимателей. К. Джонс включил первых в рамки буржуазной общественной сферы в качестве продавцов услуг и потребителей на фоне растущей коммерциализации и революции потребления. Он наделил их гражданским профессионализмом, вытекающим из рыночного сознания. Он показал непростые зигзаги этого профессионализма в ходе революции, настаивая при этом на успешности в целом буржуазии на выходе из нее. В этом заключается новизна его концепции французской буржуазии конца XVIII в. Его положения являются спорными, но весьма стимулирующими для размышления о связи интеллектуалов с капитализмом и профессионализмом. Новые идеи были отрефлексированы ревизионистскими и неомарксистскими историками. Справа они поставлены под сомнение, как слишком прямолинейные при интерпретации связи между реальностью и идентичностью класса, слева – абсорбированы для доказательства буржуазного характера французской революции при определенном упрощении.

Список литературы

1. Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. Москва: Наука, 2009. 380 с.
2. Лёверс Э. Французская адвокатура от Революции к империи // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 36–51.
3. À bas la révolution! // The Times Literary Supplement. 1965. January 7. P.8.
4. À bas la révolution! // The Times Literary Supplement. 1965. February 11. P. 114.
5. Heller H. The bourgeois revolution in France, 1789–1815. New York – Oxford: Berghahn Books, 2006. 172 p.
6. Jones C. Bourgeois revolution revived: 1789 and social change // Rewriting the French revolution/ Ed. by C. Lucas. Oxford: Clarendon press, 1991. P.69–118.
7. Jones C. Bourgeois revolution revived: 1789 and social change// The French revolution: debates and new controversies/ Ed. by G. Kates. 2nd ed. London – New York: Routledge, 2002. P. 157–191.
8. Jones C. Charity and bienfaisance: the treatment of the poor in the Montpellier region 1740–1815. Cambridge: Cambridge university press, 1982. 317 p.
9. Jones C. The great chain of buying: medical advertisement, the bourgeois public sphere, and the origins of the French revolution// The American Historical Review. 1996. Vol.101.№1. P.13–40.
10. Jones C. The great nation: France from Louis XV to Napoleon. London: Penguin Books, 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=3t53VrKclcMC&pg=PT975&dq=Jones+C.+The+great+nation:+France+from+Louis+XV+to+Napoleon&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&ved=2ahUKEwipiCbzfzAh-WIz4sKHXgOCpUQ6AF6BAGLEAI#v=onepage&q=Jones%20C.%20The%20great%20nation%3A%20France%20from%20Louis%20XV%20to%20Napoleon&f=false (дата обращения: 07. 09. 2021)
11. Kates G. Introduction // The French revolution: debates and new controversies/ Ed. by G. Kates. 2nd ed. London – New York: Routledge, 2002. P. 1–20.
12. Maza S. The myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850. Cambridge–London: Harvard university press, 2003. 255 p.
13. Professor Colin Jones, FBA. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20100419175349/http://webpace.qmul.ac.uk/cdhjones/> (дата обращения: 06. 05. 2021)

THE BOURGEOISIE OF PRE-REVOLUTIONARY AND REVOLUTIONARY FRANCE IN THE WORKS OF THE ENGLISH HISTORIAN K. JONES

The article analyzes one of the attempts to revive the capitalist image of the French bourgeoisie in contemporary English-language historiography. Considered as at the end of XX – beginning of XXI centuries English historian Colin Jones made a similar initiative in his writings. The author identifies Colin Jones as the "new left" among contemporary specialists on the French Revolution, notes the main points of his professional career, denotes his belonging to the school of the Oxford historian with a controversial historiographic identity, Richard Cobb, draws attention to the importance of his study of French medicine in order to appeal to the revision of ideas about the bourgeoisie. The work shows that Colin Jones, criticizing the revisionists, proposed to bring the consciousness, lifestyle and fate of the professional bourgeoisie closer to bourgeois entrepreneurs in pre-revolutionary and revolutionary France. The author reveals a set of arguments that are used by the historian to substantiate his position. He demonstrates that Colin Jones is trying to prove that professionals in the conditions of commercialization and consumer revolution in France in the XVIII century can be viewed as capitalists and consumers, as an integral part of the bourgeois public sphere, as well as bearers of civic professionalism, a product of market consciousness, which found its practical expression in the organs of civic sociality in pre-revolutionary France, and that their fate in the revolution was more successful than other social groups. The author evaluates these arguments of the English historian and finds out how his positions are refracted in the revisionist and Marxist discourses. **Keywords:** the French bourgeoisie, the English historiography of the French Revolution, the "new left", Colin Jones, professionals, doctors, lawyers, corporate and civic professionalism, the bourgeois public sphere, discourses.

References

1. Gordon, A. V. (2009). Velikaya Francuzskaya revolyuciya v sovetskoy istoriografii [The Great French revolution in Soviet historiography]. Moskva: Nauka. 380 s.
2. Leuwens, H. (2020). Francuzskaya advokatura ot Revolyucii k Imperii [French bar from

revolution to empire]. *Francuzskiy Ezhegodnik [Annual of French Studies]*. 53. S. 36–51.

3. À bas la révolution! // *The Times Literary Supplement*. 1965. January 7. P.8.

4. À bas la révolution! // *The Times Literary Supplement*. 1965. February 11. P. 114.

5. Heller, H. (2006). *The bourgeois revolution in France, 1789–1815*. New York – Oxford: Berghahn Books. 172 p.

6. Jones, C. (1991). *Bourgeois revolution revived: 1789 and social change* // *Rewriting the French revolution*/ Ed. by C. Lucas. Oxford: Clarendon press. P.69–118.

7. Jones, C. (2002). *Bourgeois revolution revived: 1789 and social change*// *The French revolution: debates and new controversies*/ Ed. by G. Kates. 2nd ed. London – New York: Routledge. P. 157–191.

8. Jones, C. (1982). *Charity and bienfaisance: the treatment of the poor in the Montpellier region 1740–1815*. Cambridge: Cambridge university press. 317 p.

9. Jones, C. (1996). *The great chain of buying: medical advertisement, the bourgeois public sphere, and the origins of the French revolution*// *The American Historical Review*, 1. P.13–40.

10. Jones, C. (2003). *The great nation: France from Louis XV to Napoleon*. London: Penguin Books. Retrieved 7 September, 2021 from https://books.google.ru/books?id=3t53VrKc1cMC&pg=PT975&dq=Jones+C.+The+great+nation:+France+from+Louis+XV+to+Napoleon&hl=ru&newbks=1&newbks_re-dir=0&sa=X&ved=2ahUKEwipiCbzfvzAhWlZ4sKHXgOCpUQ6AF6BAGLEAI#v=onepage&q=Jones%20C.%20The%20great%20nation%3A%20France%20from%20Louis%20XV%20to%20Napoleon&f=false

11. Kates, G. (2002). *Introduction* // *The French revolution: debates and new controversies*/ Ed. by G. Kates. 2nd ed. London – New York: Routledge. P. 1–20.

12. Maza, S. (2003). *The myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850*. Cambridge–London: Harvard university press. 255 p.

13. Professor Colin Jones, FBA. Retrieved 6 May, 2021 from <https://web.archive.org/web/20100419175349/http://webspace.qmul.ac.uk/cdhjones>.

Об авторе

Меер Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Россия), E-mail: jenu13@yandex.ru

Meer Evgeniya Sergeevna – Candidate of History, Associate Professor of the department of General history, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva (Russia), E-mail: jenu13@yandex.ru